

Сергей Канашевский

Возвращение в Атлантиду

Книга 2. Часть 1

Боги без оружия

19. 03. 03.

Глава 1

Пророчество Атомаруса

Атандуир не торопился. По этикету ему полагалось шествовать впереди всех, однако он пристроился в хвост процессии и двигался очень медленно. Его святейшество намеренно сдерживал шаг. Молодому сановнику доставляло удовольствие видеть, как эти толстобрюхие чиновники и высокомерные знатные атланты вынуждены время от времени останавливаться и, перешептываясь, оглядываться назад, как бы отдавая дань уважения и почтения ему — Первому наставнику ордена Черных ряс, наследнику Правителя Единой Атлантиды.

Но не только мелкое тщеславие заставляло медлить Атандуира. Молодой вождь, проводивший

последнее время в многочисленных сражениях и бесконечных пирах, рад был оказаться здесь, в этом божественном уголке природы. Горный хребет Аутау ничем не напоминал суровых, снежных восточных гор, где до сих пор Черные рясы вели войну с мятежными атлантами. В Аутау царили тишина и покой, безмятежность и первозданная чистота. Хвойные деревья питали горный воздух бесподобными ароматами, очищали его и превращали в волшебный эфир, вдыхая который человек испытывал райское блаженство. От этого эфира Атандуир сначала испытал легкое приятное головокружение, а затем... затем на него вдруг нахлынули воспоминания из детства. Он вспомнил свою маму, покинувшую этот мир, когда ее единственному ребенку не исполнилось и семи лет. Возле их дома тоже росли деревья, мать с сыном часто гуляли среди них по ухоженным дорожкам. Пели птицы, солнышко весело подмигивало сверху, проскальзывая сквозь зеленую листву. Атандуир помнил, будто свет тогда, как ему казалось, исходил отовсюду — не только от солнца, но и от самих тех деревьев, от каждого листика. А больше всего света излучалось от мамы, от ее прекрасных, сияющих добротой и красотой глаз, от ее улыбки, от ее ласковых рук. Куда подевался этот чудесный свет сейчас? Почему он не видит больше его, даже когда

смотрит на солнце? Атандуир прищурился, пытаясь скользнуть взглядом между разлапистых ветвей навстречу солнцу. Неожиданно луч света ударил ему в глаза — так, что наследник престола испытал ощутимую боль. Он остановился, чтобы смахнуть появившиеся слезинки и увидел, как вновь начала притормаживать вся процессия. И вдруг... ветви одного из ближайших деревьев зашевелились. Рука Атандуира невольно потянулась к мечу. Но это был вовсе не враг. Молодой воин-сановник увидел маленького пушистого грызуна, забавно скакавшего с ветки на ветку, и улыбка невольно скользнула по его лицу.

Да, Аутау — настоящий заповедник, далекий от всего того, что творится в забытой богами Атлантиде. Здесь не хочется думать о войне, о смерти, об опасности. Еще бы! Отец неслучайно выбрал это место для строительства своей загородной резиденции. Поговаривали, что Джездикур возвел здесь целую крепость со специально оборудованными подземными помещениями. Всех секретов Тигриного логова — так негласно назывался загородный укрепленный дворец правителя — не знал даже сам наследник.

Ладно, хватит тешить самолюбие и унижать этих и без того жалких людишек. Впереди — веселый пир, изысканные угощения и прекрасные дамы, собранные со всей Атлантиды.

Уж, наверное, он найдет себе сегодня развлечение по душе. Атандуир прибавил шагу и легко обогнал всех гостей, направляющихся в сторону замка. Не оглядываясь, он уверенно начал подниматься вверх по узкой дороге, окаймленной с обеих сторон деревьями и горными кустарниками.

Отец встретил его приветливо. Он давно не видел сына и был искренне рад встрече, несмотря на холодок в отношениях, который стал появляться между ними все чаще.

— Развлекайся и отдыхай, мой дорогой, — Джебдикур обнял своего наследника за плечи и подтолкнул в сторону залы, где должен был состояться пир. — Но не сильно налегай на вино. Я хочу, чтобы завтра у тебя была ясная голова. Нам нужно серьезно поговорить.

Пир не оправдал ожиданий Атандуира. Праздник не получился. Среди гостей царил атмосфера неискренности и какого-то тягостного ожидания. Дамы вели себя излишне официально, это были в основном представительницы высшего света, расположенные к изысканным речам и долгим ухаживаниям. Атандуир же в последнее время привык к походной, военной жизни. Каждое пиршество на войне могло стать последним в жизни. Поэтому от каждой ночи развлечений воины брали все и сразу. Нельзя было откладывать жизнь и любовь на завтра. Завтра могло не

наступить никогда.

Не найдя себе достойной компании, его святейшество нарушил запрет отца и принял изрядное количество вина. Поэтому наутро, когда они с Джездикуром вышли прогуляться на террасу, в голове Первого наставника ордена Черных ряс гудели трубы и стучали барабаны. Несколько глотков терпкого, холодного горного воздуха принесли некоторое облегчение Атандуиру. Но все же молодой сановник предпочел бы сейчас валяться в кровати, а не вести деловую беседу. Правитель Единой Атлантиды начал разговор со своей излюбленной темы.

— Создание оружия, о котором мы так долго говорили, скоро будет завершено. Ты знаешь, мой сын, какое значение я придаю этому. Я сломлю сопротивление мятежников и получу защиту от тех, кто решил, что мной можно управлять с других звезд. У нас свои правила, и мы не позволим звездным пришельцам командовать нами. Их могуществу приходит конец. Так в один голос утверждают все мои ясновидящие и прорицатели. Возможно даже, наоборот, скоро мы получим с Небес подкрепление. Ибо там, — Джездикур указал пальцем на небо, — там приходят к власти такие же, как и мы. Миром везде начинает править сила. И эта истинная сила скоро будет у нас в руках. Да, сынок, мы станем бесконечно могущественными.

Ты даже не представляешь, как далеко это могущество может распространяться. Но... Работа еще не завершена. И пока существует вероятность того, что нам помешают осуществить задуманное. Ты, конечно же, слышал о пророчестве Атомаруса. Оно предрекает гибель Атлантиде. Но это пророчество — путь слабых. У будущего нет одной дороги. У сильных всегда есть выбор. Если мы наведем в нашем государстве железный порядок, ничто не сможет погубить нас. Стране нужен порядок и прогресс. Мы можем дать Атлантиде и то, и другое. Так вот: пророчество Атомаруса — не для нас. Однако моя свита прорицателей в один голос утверждает, что полностью нельзя игнорировать послания Небес, переданные нам из древности. Кое в чем Атомарус был прав. К тому же, широкой массе народа не известен полный текст послания. Жрецы многое утаили от людей. Вот что поведали мне мои прорицатели. Слушай внимательно. — Джездикур достал из потайного кармана кристалл и вслух прочитал информацию, хранящуюся в нем. — «И когда тень тигра падет на всю Атлантиду, корона из тридцати двух рогов украсит его голову. И из каждого рога ползет змея. И яд из их пастей будет капать на землю, а люди будут пить его как воду. И будут все змеи служить Зверю. Но будет одна, которая укусит

себя за хвост. Будущее не наступит, но худшее не свершится. Капли потомков станут рекой, ручей побежит вспять, а река — в океан. Вода погубит, вода спасет. Тигр будет смотреть, но ничего не увидит. Будет слушать, но не услышит. И хвост его станет как хвост той змеи...»

На этот отрывок много раз обращали мое внимание. Толкуют его по-разному. Но почти все сходятся в одном: скоро среди нас должен появиться предатель. Понимаешь? В логове тигра появится змея, которая не будет служить, как все, а укусит себя за хвост. То есть совершит предательство. А это может быть очень опасно именно сейчас, когда мы стоим на пороге нашего могущества и полной победы. Здесь, в своей резиденции, я без труда вычислю отступника. Но что-то подсказывает мне: предатель должен объявиться где-то там, в Аэруне. Или в одной из секретных лабораторий. В общем, мой сын, я думаю, пришла пора прекратить твои боевые подвиги. Хватит гонять мятежников по горам и полям — военных командиров, хвала богам, у нас достаточно. Предлагаю тебе заняться настоящим делом — возглавить службу государственной безопасности. Отсюда ты отправишься не в расположение своих войск, а сразу в Аэрун. Твоя главная задача — найти предателя, который сможет помешать нам в наших планах. Быть

может, это даже — не один человек, а тайная организация. Я возлагаю на тебя большие надежды. Тебе все понятно?

Атандуир не позволил себе поморщиться даже в душе. Хотя новое назначение было не очень приятно наследнику, он постарался подавить в себе недовольство. За годы, проведенные с отцом, сын привык повиноваться ему беспрекословно. Повиноваться и верить, что его решение — единственно правильное. Так было всегда. Так должно быть и сейчас. Так должно быть...

— Знаю, знаю, — продолжал Джездикур. — Тебе больше по душе размахивать мечом и устраивать распутные оргии. Но пора взрослеть и заниматься настоящим делом. К тому же — никому другому я не могу доверить безопасность моего государства. Ты понимаешь меня?

— Я сделаю все как надо, отец, — Атандуир в знак почтения наклонил голову.

— Вот и хорошо. А теперь ступай в спальню и отдохни несколько часов. Вечером тебе потребуются силы, чтобы продолжить развлекаться. Вчера пир получился не очень веселым. Было много официоза. Но сегодня все будет иначе: я приказал организовать маскарад. Сегодня и дамы, и кавалеры будут в масках. Чопорность слетит со всех так же быстро, как слетает голова с плеч от топора опытного

палача. — Джездикур хрипло рассмеялся собственной шутке. — Ну, все, ступай!

Атандуир еще раз поклонился и направился отдыхать. Но и вечером наследник престола не сумел как следует поразвлечься. Да, действительно, маскарад обещал быть интересным. Любитель оргий и вина без труда влился в поток общего веселья. Однако вскоре настроение наследника было сильно испорчено. В перерыве между танцами одна из масок увлекла его в сторону. Атандуир готов был услышать ласковые, нежные признания. Но вместо этого женский голос прошептал слова, от которых кровь бешено заколотилась в висках Первого наставника ордена Черных ряс:

— Бедный Атандуир! Джездикур убил твою мать. Лучшая из жен пала от руки палача. Доказательства получишь, когда придешь в Аэрун.

Атандуир на некоторое время растерялся. А когда пришел в себя и протянул руку, чтобы сорвать маску с лица своей собеседницы, та уже растворилась в толпе. Найти незнакомку в общей массе стандартных одеяний и масок было невозможно. Грянула музыка. Его святейшество закрыл уши. Но не оттого, что эта музыка была излишне громкой. А для того, чтобы не слышать

слова, которые эхом отзывались в ушах и в сердце: «Джездикур убил твою мать».

Эти слова Атандуир слышал не первый раз.

Глава 2

Повестка

Темнота висела за окном на миллионах невидимых нитей. Михаил Иванович стоял у окна и молча наблюдал ее, будто пытаясь рассмотреть то незримое, что скрывалась за черной пеленой. Смирнову стало больно и тоскливо созерцать его спину — маленькую, согнутую, какую-то жалкую и безвольную. Но когда Серов обернулся, Владимир Петрович увидел совсем иную картину. Глаза гостя свидетельствовали о его внутренней силе, воле и упорстве. Губы, сжатые в тонкую линию, слегка приподнятую вправо, обозначали горькую улыбку. И в этой горькой улыбке не было ни капли обреченности. А выражала она, скорее, нежелание мириться с тем, с чем до сих пор смириться приходилось.

Наконец Михаил Иванович прервал молчание и продолжил говорить:

— Да, я считал, что у меня...у нас... есть время. Но теперь я понимаю: времени почти нет. Надо немедленно принимать решение и что-то делать. И сделать это должны мы с вами. Больше

некому. Во всяком случае, в этом городе мне неизвестны люди, которые смогут это сделать за нас. Хотя, может быть, такие люди и существуют. Я понимаю: вы можете мне не верить или просто считать сумасшедшим. Но я-то знаю, что вы сами давно уже... ну, давно уже... поняли все. Ведь так? Помните тот наш ночной разговор? Вы же сами... сами начали его. Рассказали об Атлантиде. О том, что жили там. Только я... я, может быть, шагнул чуть-чуть дальше вас в допущениях. Вы допускаете то, что живете не первую жизнь на Земле, допускаете, что прошлое влияет на нас. А я... я сообщаю вам, в принципе, простую вещь. О том, что все взаимосвязано. Я же помню ваш рассказ о Реке Жизни. Для Небес не существует времени. А это значит, что нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. А это значит, что мы... Улавливаете мою мысль? Мы можем своими поступками и мыслями не только определять будущее, но и влиять на прошлое. Улучшая настоящее, мы обязательно улучшаем будущее, а значит... значит, мы должны улучшать и наше прошлое. Ведь понимаете, дорогой мой, без хорошего прошлого не может быть хорошего будущего. А если вообще не было никакого прошлого, то... понимаете? Понимаете? Тогда нет будущего. Ничего нет. Это же так просто! Вы со мной согласны? Значит, прошлое надо тоже беречь.

Владимир Петрович приложил руку ко лбу и взмолился:

— Михаил Иванович! Уважаемый! Подожди, дай передохнуть, у меня в голове каша от твоих рассуждений.

Он сходил на кухню, принес из холодильника початую бутылку коньяка, достал из шкафа две рюмки и наполнил их.

— Садись, — пригласил Смирнов гостя. — Давай коньяку пригубим.

Серов сел, положил одну руку на стол, посмотрел на налитую рюмку и отодвинул ее от себя.

— Нет, Владимир Петрович. Нельзя мне. Ты же знаешь. Может быть...потом. Когда-нибудь. А пока — нельзя. Очень важное время сейчас. Понимаешь? Задача у нас с тобой сложная.

Владимир Петрович тоже не стал пить. Слил обе рюмки обратно в бутылку и унес ее на кухню. И уже оттуда, наполняя чайник водой, прокричал:

— Да какая задача-то!? Какая задача?

Михаил Иванович пришел следом за ним на кухню, остановился в дверях:

— А такая задача — в прошлое надо попасть. Прошное мы с тобой должны спасти. Понимаешь?

В это время чайник вырвался из влажных рук Смирнова и шмякнулся на пол. Владимир Петрович поднял его и обнаружил на электроприборе

большую трещину.

— Да, теперь вот чайник новый придется покупать. Это я понимаю.

Он посмотрел в окно. Темнота начала рассеиваться. Миллионы нитей, на которых она висела, стали превращаться в тонкие лучи света. К тому же принялся накрапывать маленький, несерьезный дождик. С неба спускались утро и весна.

* * *

Виталий ловко увернулся от очередного удара и тут же сам перешел в нападение. Расчетливо и сильно ударил одного, затем — второго соперника. Третий отпрыгнул, готовый при дальнейшей опасности пуститься наутек, забыв о своих поверженных товарищах. Да, их было трое. Трое его одноклассников, которые решили свести с ним счеты. Они еще не знали, с кем связались. Думали, что численный перевес обеспечит им победу. А это не всегда так. Далеко не всегда. И вот теперь двое отползали от него на четвереньках, а третий праздновал труса. Виталий сделал ложный выпад в направлении его, и этого оказалось достаточно. Пацан бросился наутек, побежал без оглядки.

Чернов повернулся, поднял пакет с учебниками и медленно, с достоинством начал

удаляться от места стычки, не оборачиваясь назад.

И все это опять из-за девчонки. Когда-нибудь его слабость по отношению к женскому полу подведет его. Лидеры класса вступились за свою первую красавицу. «Тоже мне, красавица! — подумал Виталий. — Таких красавиц у меня целые пачки были. Только ленточкой успевай перевязывать». Дружить с Леночкой Звягиной он начал просто по привычке. Есть перед глазами симпатичная мордашка — значит, можно с ней оттянуться. Он пару раз проводил ее до дома и всего лишь раз поцеловался. А этот Миша, якобы лидер класса, приревновал, думая, что имеет права на девчонку. Ну, разве стала бы нормальная девушка целоваться с одним, если бы действительно хоть капельку любила другого? Идиот! Думает, раз положил на девочку глаз, так та должна отвечать ему взаимностью. С чего бы это? Девушку, если ты ее ценишь, надо держать возле себя и точно знать, что она — твоя. А иначе — это просто сопли. Смазливая безответная романтика. Удел слабых и сопливых.

Ну, почему? Почему рядом с ним нет таких же сильных, как он сам? Почему по жизни он идет один? Ему достаточно было хотя бы одного единственного друга. Настоящего парня, с которым можно было бы поделиться сокровенным и к которому не страшно повернуться спиной. Эти...

Поваляев и Старовойтов, пожалуй, сильны. Да, сильны. Они доказали это. Но оба бесконечно чужды ему. В них та же самая сопливая романтика. Только у них она сочетается с силой. Это редкость. Но тем не менее. Идеалист всегда останется идеалистом. Можно быть сильным и при этом пускать сопли, ничего не добиваясь в жизни. А он, Виталий Чернов, хотел многого добиться в жизни. Очень многого. И точно знал, что для этого ему потребуется сила, а не какие-то чувства и идеи.

Так, удовлетворенный своей победой над одноклассниками и неудовлетворенный жизнью в целом Чернов незаметно для себя дошел до двери своей квартиры. В щели, между дверью и косяком, торчал лист бумаги. Виталий взял его в руки, развернул и вздрогнул. Листок оказался повесткой из милиции. Ему, Виталию Чернову, проживающему по улице Мирной, дом 35, квартира 14, надлежало явиться в районное отделение милиции в кабинет № 8 к следователю Полторанину Н. П. 17 мая в 15 часов. Чего-чего, а такого Чернов не ожидал. Зачем это он потребовался милиции? Если тот случай со Старовойтовым, то... ведь Славка даже не подавал на него заявление и никому не говорил о том, кто его порезал. Драка с одноклассниками? Вряд ли кто-нибудь из-за обыкновенной драки будет заявлять в милицию. Погром киосков, в котором он

осенью участвовал? Может быть, может быть... Ведь дело о погроме до сих пор не закрыли, это он слышал от своих приятелей из того военно-патриотического клуба. Что ж... Придется идти.

Родителям пока ничего не скажу, решил Виталий. Узнаю в чем дело, потом с отцом посоветуюсь. Если что — деньгами отмажет. Он это может. А идти надо. Деваться некуда.

На следующий день ровно в пятнадцать часов Чернов постучался в дверь следователя.

Полторанин Н. П. оказался молодым мужчиной, несколько толстоватым для своего возраста, с круглым лицом, маленькими глазками и толстыми губами.

Виталий поздоровался.

— Фамилия? — не ответив на приветствие, спросил следователь.

— Чернов.

— А... Чернов. Ну-ну. Проходи, садись.

Полторанин сощурил глаза, рассматривая Виталия. А потом вытянул губы трубочкой и начал говорить, несколько растягивая слова:

— Ну что, Чернов? Доигрался? Достукался? Думаешь, время ушло — и все? Все забылось? Нет. Наказание всегда настигнет виновного. От справедливого возмездия, как говорится, не уйдешь. Ну, будешь добровольно признаваться или

в следственный изолятор садиться? Решай!

— А в чем я должен признаться? Что я такого сделал? — Виталий посмотрел на следователя чистыми, ясными, как летнее небо над синим морем, глазами. — Объясните!

— А ты не знаешь?

— Не-а. Объясните, пожалуйста.

— Ну, милый друг. Значит, у нас разговора не получится? Значит, будем все по протоколу, по форме. Так?

— Да вы скажите, о чем — я все вам расскажу.

— О чем? О нанесении тяжких телесных повреждений. А именно — о нанесении ножевого

ранения гражданину Старовойтову Вячеславу Александровичу.

У Виталия екнуло сердце. Чего-чего, а этого он не ожидал. Неужели Славка написал на него заявление? А скорее всего — написали его родители. Все, теперь каша заварится — долго расхлебывать придется...

— Ничего такого я не знаю. Я со Старовойтовым никогда не дрался. А уж с ножом — тем более. Да и не в моих это правилах — нож с собой носить. Меня кто-то оклеветал.

— Оклеветал кто-то? Ах ты, бедный, несчастный, — следовательно вытащил из-за стола свое полноватое тело и подошел к окну. — Может, тебя пожалеть?

— Жалеть — не жалеть, да только ни в чем лишнем обвинять меня не надо. Бывало, дрался я с пацанами за школой. Но ведь это один на один. Все по-честному. Да и какой пацан не дрался хоть раз в жизни? А чтобы с ножом? Нет, это не в моих правилах.

Следовательно некоторое время помолчал, продолжая смотреть в окно, а потом вернулся к столу, сел.

— Ну, ладно, хватит комедию ломать. Смотри: вот заявление потерпевшего — вот его подпись, вот подписи родителей несовершеннолетнего Старовойтова. Вот

заключение медицинской экспертизы, сделанное на следующий день после твоего преступления, вот показания двух свидетелей — Поваляева и Белозеровой. В деле также имеются показания школьного врача Андреевой, которая видела тебя возле школы с окровавленными руками. В деле нет только орудия преступления. Но, может быть, ты сможешь его нам найти? А, Чернов? Что молчишь?

«Вот это да, — опешил Чернов. — Никогда бы не подумал на Славика, что он решится меня в тюрьму упечь. Или его родители что-то разнюхали? А, может, они с моих родичей бабки хотят стрясти? Вот это скорее всего. Но зачем тогда заяву в ментовку подавать? Пришли бы сразу к отцу. Что теперь делать? Пока — не сознаваться. А там — видно будет».

— Нет, чего не было — того не было. А люди сейчас, сами знаете, какие — могут только так человека оклеветать. А может... Может, они деньги хотят с моих родителей получить?

— Деньги, говоришь? — следователь почесал подбородок. — Деньги — это может быть. А у твоего отца, что — деньги водятся?

— Есть немного.

— Ну-ну. Кстати об отце. Ты пока не говори ему ничего. И мать тоже не беспокой. Пока сам подумай, что лучше сознаться во всем, чем

париться в следственном изоляторе. Придешь ко мне послезавтра, в то же время. Понял? Ну, все, топай. А пока вот эту бумагу подпиши. Это подписка о невыезде. Теперь ты, милый друг, никуда от меня не денешься.

Дома Чернов некоторое время лежал на кровати, рассматривая узоры на подвесном потолке. Конечно, рано или поздно отцу рассказать обо всем придется. Но лучше — позже. К тому же есть еще один шанс. Пусть небольшой, но есть. Встретиться с Ольгой Белозеровой и попросить ее переговорить со Славкой. Надо поплакаться, надавить на жалость. Возможно, Старовойтов уговорит родителей забрать заявление из милиции. А что еще остается делать? Да, надо звонить Ольге, договориться о встрече. Несмотря на ее любовь к Поваляеву, она, кажется, питает к нему, Виталию, какие-то теплые чувства. Женщины вообще жалостливы и сострадательны, полагал Чернов, эти чувства всегда надо использовать в своих интересах.

Приняв решение, Виталий набрал номер телефона Ольги. Трубку взяла ее мать.

— Здравствуйте. Пригласите Олю, пожалуйста, — произнес Чернов очень вежливо.

— А кто ее спрашивает?

— А... это ее одноклассник. Мне домашнее задание надо уточнить.

— Сейчас позову.

Через несколько секунд Виталий услышал голос Белозеровой.

— Алло?

— Оля, не вешай, пожалуйста, трубку. Это я, Виталий Чернов. Извини, но мне не к кому больше обратиться, кроме тебя... Понимаешь, у меня... Беда случилась. Только ты можешь помочь.

— Что за беда? Что случилось?

— Я не могу об этом рассказать по телефону. Надо встретиться. Пожалуйста.

— Встретиться? Ну, ладно... А когда?

— Если можно — прямо сегодня. Дело срочное.

— Хорошо. Встретимся через час на остановке возле кафе «Осень». Только учти — в кафе я с тобой не пойду, и гулять мы с тобой не будем. Поговорим и разойдемся. Ясно?

— Да-да, конечно, Оля. Я все понял. Через час буду тебя ждать. Спасибо, что согласилась. До встречи.

Когда Ольга подошла к остановке, Чернов уже был на месте. Белозерова увидела Виталия еще издали: его модная сине-желтая куртка отчетливо выделялась на фоне молоденькой зелени, только что родившейся под лучами ласкового майского солнца. В руках юноша держал букет роз. Как только Оля приблизилась к Чернову, тот протянул

ей цветы.

— Это мне? — спросила Ольга с металлом в голосе. — Спасибо, не надо. Прибереги для своей очередной пассии. И давай договоримся: у нас с тобой чисто деловое свидание. Ты обратился за помощью — я постараюсь помочь. Если смогу. И все. Ты понял?

— Ну, возьми, Оля... Что мне с ними теперь делать? А... Ладно... Я выброшу их! — Чернов медленно направился к «мусорке».

У Белозеровой вполне хватило бы характера, чтобы досмотреть до конца сцену опускания цветов в мусорную корзину. Она понимала, что Чернов играет, позерствует перед ней и ждет, что она остановит его. Можно было бы спокойно дожждаться финала этой сценки и начать разговор. Но... Ольге стало искренне жаль цветов. Она где-то читала, что цветы не обижаются на то, что их рвут. Главное — чтобы после этого на них смотрели, любовались ими. Это — один из их смыслов существования. Приносить в мир красоту и радовать людей. А для чего нужна красота в мусорной корзине?

— Ладно, вернись! Эй! — Ольга повысила голос.

Чернов остановился, видимо внутренне радуясь этой маленькой победе. Его самолюбие было в очередной раз удовлетворено.

«Ну и радуйся вместе со своим

самолюбием, — подумала про себя Ольга. — А я буду радоваться тому, что цветы окажутся в вазе с водой и еще поживут».

Ольга взяла букет.

— Пойдем, прогуляемся по улице, — сказала она. — Погода хорошая. Не на остановке же торчать.

Они пошли по тротуару.

— Ну, рассказывай. Что случилось?

— Понимаешь, Оля... Как бы тебе сказать.

Ну, после того случая в доме отдыха мне показалось, что мы... Что мы помирились и больше не враги. Ведь так? Ты же знаешь, я тоже был в этом... плену, как Славка и как Иван. И мне показалось, что вы... вы простили меня. Ведь так?

Ольга внимательно посмотрела на Виталия.

— Да, — ответила она. — Я думаю, что можно так считать. Мы простили тебя. Во всяком случае, я простила. Это точно. А другие пусть говорят сами за себя. Ну а все-таки — в чем дело?...

— Дело... Вот именно, — хмыкнул Чернов. — Дело в деле. И это не просто игра слов. В милиции на меня дело завели. По поводу ножевого ранения. Славка на меня заявление написал или его родители. К тому же... И твои свидетельские показания есть. Вот так вы меня, оказывается, простили. Я только что от

следователя. Тюрьмой мне угрожал.

— Славка на тебя заявление написал?! Не может быть! Если хочешь знать, я была за то, чтобы на тебя заявить. Но Славка был категорически против. И Иван с ним согласился. Славик милиционеру сказал, что его «пырнул» какой-то подросток, вымогавший у него деньги. И он ничего про тебя не говорил. И я тоже промолчала. Так что... Да ты, наверное, сочиняешь, Виталик? Тебе чего-нибудь другое от нас нужно? Или тебя опять кто-нибудь послал? Ну, что молчишь?

— Нет, Оля. Не вру я. Я сегодня был в милиции. Фамилия следователя Полторанин. Он мне сказал, что Старовойтов и его родители заявили на меня. И свидетельские показания есть, и медицинское заключение. Так что мне не до вранья. Слушай... Поговори со Славкой. Спроси, он что — действительно хочет меня в тюрьму посадить или... или у его родителей какие-нибудь другие цели? И если он может... пусть со мной встретится. Поговори, пожалуйста. Помоги мне. Ну, распсиховался я тогда. Не контролировал себя. Но ведь все обошлось. Да и я... Я очень сожалею об этом. Оля, пожалуйста. — Чернов остановился, повернулся к Ольге и сложил руки на груди.

— Хорошо. Я сегодня же поговорю со Славой. Ты можешь мне позвонить попозже. Это все, о чем ты хотел поговорить со мной?

— Да. Заранее спасибо, Оля. Я позвоню вечером, часов в девять. Хорошо?

— Да. До свидания. Звони. Ну, все, я пошла.

Ольга в сильном недоумении поспешила домой. Неужели это правда? Неужели Славка или его родители все же решили написать заявление в милицию? Но почему тогда Славик молчал все это время? Или все-таки Чернов ведет какую-то непонятную игру? От него чего угодно можно ожидать. Не мог он за полгода превратиться в другого человека. Подлецом стать просто, а вот отмыться от подлости нелегко. «Сейчас приду домой и сразу же позвоню Ивану, — решила Ольга. — А потом встретимся со Славкой и все обсудим».

Чернов после свидания с Ольгой тоже направился домой. Весна голосом городских птиц, теплым дыханием улиц и липким, тревожным запахом растений заявляла во всеуслышанье о своей окончательной и полной победе в этом уголке Земли. Хотелось петь вместе с птицами, бежать вслед за машинами, а потом лечь под одним из деревьев, затаиться и слушать, как тревожно бьется твое сердце в ожидании чего-то нового, неизвестного, того, ЧЕГО ЕЩЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО В ТВОЕЙ ЖИЗНИ. Это сладкое тревожное ощущение весны жило в груди Виталия. Но вот только после сегодняшнего посещения милиции все

сладостное опустилось на дно, а тревога выползла наверх.

«Ну, ничего, — успокаивал он сам себя. — Прорвемся. Все будет тип-топ. Все будет нормалек».

Чернов шел, размышлял о случившемся, просчитывал варианты и машинально любовался проходящими мимо девушками, которых всех очень прихорошила эта цветущая пьянящая весна. Неудивительно, что Виталию и в голову не приходило обернуться. А если бы он обернулся, то ему, достаточно наблюдательному человеку, не составило труда обнаружить, что за ним следят. Высокий мужчина проследовал за Черновым от самой остановки, где они встретились с Ольгой, до подъезда его дома. Убедившись, что Виталий направился домой, мужчина прекратил слежку и вернулся на улицу Мирную, где благополучно растворился в толпе горожан, спешащих с работы домой.

Глава 3

Лабиринт испытаний

Стена за спиной Кератиса почти бесшумно опустилась, окончательно отрезав ему дорогу назад. Впереди затаилась холодная темнота подземного лабиринта, хищно открывшего свою

узкую прямоугольную пасть. Жрец сделал несколько шагов вперед и безошибочно повернул в правое ответвление коридора. Два других хода вели в тупик. В Атлантиде ориентированию в подземных лабиринтах и умению видеть в темноте обучали молодежь — посвященных первой ступени — в храмах Мистерий. Керапис являлся Посвященным шестой ступени, и эти навыки были для него словно любимая игрушка в руках младенца. К тому же там, в конце этого хода, который он выбрал, воздух был напоен влагой. А это значит... Ну, конечно, впереди была вода! Старик улыбнулся, поняв какое испытание его ожидает. Ему предстояло погрузиться под воду и плыть достаточно долго, пока хватит дыхания. Главное в этом испытании — ни в коем случае не пытаться вынырнуть раньше положенного срока и не вернуться назад. Если попытаешься вынырнуть — наткнешься на каменный потолок, захочешь вернуться — обратной дороги не найдешь. Вокруг будет только вода, вода, вода. В конце концов, она попадет в твои легкие, и ты станешь частью ее, этой воды. И никогда больше не увидишь свет. Разве только потом, когда совершишь переход в другой мир.

Тело Кераписа прикрывала лишь узкая набедренная повязка. Жрец потуже затянул ее и нащупал ногой ступеньку. Следующая уже была

под водой.

Старик спустился вниз на семь ступеней, и уперся рукой в стену. Все, пора нырять. Он набрал в грудь побольше воздуха, мысленно поместил

этот воздух в огромный прозрачный пузырь, представил себя рыбой и погрузился в воду, поднырнув под стену. Ему удалось точно рассчитать время, когда уже можно было завершить свой подводный путь и, высунув голову из воды, глотнуть столь желанного воздуха.

Снова семь ступенек. Только теперь вверх. А сейчас самое главное — спокойствие. Нужно идти строго по центру и не делать резких движений. И ни в коем случае не испускать из себя импульсы страха. Справа и слева вдоль стены, на уровне шеи, располагались на выступах стен многочисленные змеи. Керанис не поворачивал головы, чтобы не смотреть на них. Он просто знал, что они здесь — слева и справа. Некоторые из них, наиболее злобные, даже шипели. Но жрец посылал им мыслеформы добра и спокойствия, поэтому гадины умолкали, едва человек оставлял их за своей спиной. К тому же Керанис поставил вокруг себя защиту Тота — многослойное энергетическое поле в виде яйца. Эта защита, используемая Посвященным шестой ступени, могла спасти даже от удара мечом, а не только от укуса змеи.

Следующее испытание было связано с огнем. Впереди вспыхнул огненный свет. На протяжении более десяти метров весь пол подземного хода облизывали языки оранжевого пламени. Горела специальная жидкость, разлитая устроителями

испытаний. Правда, прежде чем шагнуть в костер, Кератису пришлось сделать несколько шагов по острым осколкам разбитых сосудов — это была разминка перед преодолением основного препятствия. Разве могли знать те, кто послал жреца сюда, что он сам обучил не один десяток учеников умению ходить по огню? Старикуну доставило удовольствие продемонстрировать свое мастерство, которое он оттачивал годами.

И вот в лабиринте возник этот звук. Сначала он был однотонным, А потом... потом то поднимался до самых тонких высот, то, наоборот, опускался до столь низких октав, что хотелось упасть на пол и превратиться в камень. Пожалуй, это было самое неприятное испытание для Кератиса. Жрец даже допустил в душу легкий испуг. А вдруг ему не удастся справиться с этой нагрузкой? Звук... Когда-то ему было предсказано, что именно звук станет причиной глобальных изменений в его жизни. Может быть, этот момент настал? Может быть, этот, разрывающий не только уши, но и все тело звук сейчас умертвит его, и жрец закончит свой земной путь здесь, в этом темном лабиринте — бесславно и безызвестно? Нет, с другой стороны, это просто смешно. Он, член Верховного совета жрецов Атлантиды, Посвященный шестой ступени не может справиться с какими-то

звуками? Ведь что такое звук? Вибрации! Что есть он сам? Тоже вибрации. Весь мир — это только колебание минимальных божественных частиц. Если звук мешает тебе, то... попробуй изменить свои вибрации, подстройся к нему. И тогда... Тогда он просто перестанет существовать. Эта мысль принесла Керapisу облегчение. Он стал воспринимать звук как частицу всего сущего и ощущать себя частью всего сущего. «Мы с тобой — одно и то же» — мысленно обращался он к шумовой какофонии. — «Я — это ты, ты- это я. Нам с тобой не тесно вместе в этом лабиринте».

И вдруг в один момент и звук, и движение прекратились. Не было пути ни назад, ни вперед. Только небольшая комната, ограниченная тремя стенами. И тишина. Тишина, темнота, безмолвие. И так продолжалось не час, не два. Сутки... Двое суток? Трое? Керapis включил свой внутренний счетчик. Если верить ему, то с того момента, как он оказался в изоляции, солнце где-то там наверху вставало и садилось за горизонт четыре раза. Жрец чувствовал, что испытания подходят к концу. Да, хозяева лабиринта могли добавить ему срок пребывания здесь, в этой треугольной комнате. Но... Это было не важно. Главное — он выдержал. Он знал, что выдержал. А это значит — скоро Керapis предстанет перед теми, с кем

предстоит важный разговор. Теперь жрец готов к нему, к этому разговору. Но только... Только он не знает, чем окончится важная беседа. Этого ему знать не дано. Пока не дано.

Когда одна из стен отодвинулась, и в комнату впорхнул полумрак (яркий солнечный свет мог навечно ослепить испытуемого), Кератису едва хватило сил, чтобы вступить в соседнюю залу. А в зале царила приятная атмосфера. Стоял стол с легкими закусками, с сосудами, наполненными тонизирующими напитками. Рядом с ним — широкая удобная кровать с мягкой постелью. Жрец приблизился к столу, взял в руки орехи и принялся их неспешно жевать. Потом — мелкими глотками выпил два бокала напитка. Голова его приятно закружилась. Под сводами залы вдруг родилась легкая приятная музыка, незнакомая мелодия ублажала слух, и с ее вибрациями не надо было находить общего языка. Она сама плавно вливалась в душу и органично становилось ее частицей...

Легкие занавески на другом конце залы всколыхнулись, и возле Кератиса вдруг материализовались две прекрасные девушки в полупрозрачных, почти воздушных одеяниях. Их ласковые руки легли на плечи старика, на его грудь. Девы легкими движениями начали массировать тело старика.

И этот трюк был известен Кератису. После

трудностей преодоления лабиринта испытываемый мог посчитать себя вправе получить вознаграждение в виде женских ласк. Тот, кто попадался под власть очарования юных девиц, пребывал в блаженстве, считая, что пожинает достойные лавры победы. На самом же деле он с треском проваливал последнее испытание и после этого возвращался на еще более низкую ступень, чем та, на которой он стоял перед тем, как войти в лабиринт. Как видно, школы Мистерий Атлантиды и Аурикоса не сильно отличались друг от друга. Не трудно было догадаться, что у истоков их деятельности стояло нечто Единое — то, благодаря чему человечество Адонаи продолжило свое развитие в этой зоне.

Жрец легкими, но решительными движениями отстранил руки девушек, жестами дав понять, чтобы они удалились. Девушки беспрекословно повиновались.

Вот теперь, действительно, все. Теперь можно отдохнуть. Глаза Керариса начали сами собой закрываться, он лег на кровать и погрузился в глубокий сон...

* * *

Жрец никак не мог понять, где он находится. Как ни обращался он к своему высшему «Я» в

Манасе¹, не мог получить однозначного ответа. И только из глубин подсознания тихий Голос шептал ему, что это либо другая планета либо... Либо далекое будущее, которое ждет его после долгого пути многочисленных воплощений. Возможно, первое не исключало второе.

Он сидел прямо на земле, скрестив ноги. Растительность вокруг являла собой воплощение такого буйства красок и форм, что нетрудно было догадаться об огромном эволюционном пути этого мира. Воздух просто пронизывали оттенки ароматов, запахов и еще какие-то флюиды, которые Керпис ощущал, но не мог понять их сути. Впрочем, возможно они устанавливали его связь со всем окружающим. Потому что Керпис воспринимал всей своей сущностью то, что находилось здесь, рядом с ним, и даже то, что было далеко. Так, например, он почему-то знал, что высоко над планетой движется летательный аппарат. Жрецу даже показалось, что при

¹ «Высшее «Я» в Манасе» — посвященные жрецы Атлантиды могли особым образом связываться со своим высшим «Я» или Божественным началом, которое, по их представлениям, «располагалось» в Манасе, измерении, которое начинается там, где кончается существование трех низших тел человека. Всего человек обладает семью телами. Манас начинается там, где живет четвертое тело человека.

желании он может каким-то образом общаться с его пассажирами. Еще он отчетливо осознавал, что там, за высоким кустарником (если идти по тропинке, то надо повернуть направо) располагается неизвестный Храм... Центр духовных свершений... Управление Связями (Керапис подыскивал нужное слово, но, видимо, в его памяти не было понятия, адекватно отражающего необходимое). По внешнему виду Храм что-то напоминал нашему герою, где-то он уже знакомился с подобной архитектурой. Но где? Круги, шары, овалы напоминали ему звездный поселок сириусян. Но кроме этого были такие формы, которые — он это знал точно — не встречались ему ни в Атлантиде, ни на Аурикосе. Но тогда откуда это почти болезненное ощущение родства? Откуда?

Керапису сильно захотелось попасть внутрь Храма. И тут же, как только он испытал это желание, жрец поднялся в воздух и, не меняя своей позы, полетел в сторону этого прекрасного строения. Перед воротами Храма он опустился на землю и ногами вступил на его порог. То, что открылось взору жреца, повергло его в состояние изумления и восхищения. Под сводами чудесного сооружения мерцали звезды, двигались небесные тела, закручивались и раскручивались серебряные спирали, вспышки яркого света вдруг озарили

какие-то части свода; длинными, изогнутыми змеиными телами окутывала отдельные звезды темнота. Керапис, понимая, что увидел воочию часть Космоса, обозримую часть Вселенной, упал на колени и начал молиться, обращаясь к своему покровителю Тоту и благодаря Единого за то, что удостоил его такой награды.

— Встань с колен, посмотри на меня! — вдруг раздался чистый, приятный мужской голос.

Керапис поднял голову и больше не смог сделать ни единого движения: к нему плавно приближался, словно паря над землей, сам бог Тот — с серебристым ореолом вокруг головы, в пурпурной мантии, с глазами, полными мудрости и доброты. Именно таким его изображали в храмах Атлантиды.

— Нет, дорогой Керапис, я не бог Тот. Я вестник Владык Кармы. Посланец тех, в чьей власти судьбы всех людей. И не только живущих на Адонае. Я принял такой образ, чтобы быть ближе к тебе. И чтобы смягчить ту весть, которую ты сейчас услышишь. Вместе с тем тебе оказана великая честь. У тебя в сложившейся ситуации есть выбор. А он в подобных случаях дается далеко не всем. Ибо только достигшие определенного уровня развития приглашаются сюда. И хотя ты не дал полного наименования этому Храму, все-таки основное понял правильно. Это в том

числе Центр духовных свершений и управления Связями судьбы.

Вначале выслушай неизбежное. Ты не открыл при жизни Алсие тайну, что она — твоя дочь. Но Алсия всем своим существом ощущала родство с тобой. Она — очень значимая сущность, у которой была своя миссия в Атлантиде и до сих пор осталась важная миссия на Адонае. Алсия нарушила указания Высших сил и, вопреки запрету, спасла тебя из тюрьмы Черных ряс. А этого делать не следовало. Более того — она использовала магический перстень, поставила себя на уровень Тьмы и дала ей козыри против себя. Использование черной магии всегда чревато бедой. Тем более, когда это делает высоко развитая светлая сущность. Ты должен был находиться в Атлантиде, а не бежать на Аурикос. Тебе ни в коем случае до поры нельзя было покидать Атлантический материк. И ты сам знал это. Но твое сердце устремилось вслед за дочерью. Вы оба уклонились от выполнения своей миссии, за что неизбежно понесете наказание по Закону Следствий. Ваше очередное воплощение принесет вам огромные лишения и невзгоды. Вас вместе с Алсией поместят в одно из темных созвездий, на одну из низко развитых планет, где вы будете выполнять грязную работу на улицах душного и смрадного города. Все остальное — в вашей

власти.

Теперь — о твоём выборе. До нового воплощения ты можешь остаться вместе с теми, кто устроил тебе испытание под треугольниками Великой Пирамиды, и молитвами попытаться смягчить предстоящее наказание от Владык Кармы. Этому может быть посвящен весь твой остаток жизни. Но у тебя есть другой путь. И ТЫ САМ ДОЛЖЕН ВЫБРАТЬ ЕГО. В этом — твоя награда за прошлые заслуги, и это тоже — действие Закона Следствий. Ты понимаешь меня?

— Да, посланец Владык Кармы. Я понимаю тебя и благодарю Владык за награду. — Кератис склонил голову и некоторое время помолчал. — У меня есть силы, чтобы вернуться в Атлантиду. Я прошу позволить мне выполнить мою миссию. Прошу просветлить мое сознание, очистить душу мою, прошу направить на правильный путь. Прошу посвящения в миссию и духовных сил.

— Выбор сделан! Да будет так!

* * *

Открыв глаза, Кератис увидел перед собой священнослужителя, облаченного в белый плащ. И хотя значительную часть его лица скрывал капюшон, не трудно было заметить, что незнакомец не принадлежал к расе атлантов.

Смуглая кожа, яйцевидная голова свидетельствовали о его родстве с тем племенем, к которому принадлежала мать Алсии. Но не это больше всего удивило жреца, когда сознание его полностью прояснилось. На миг ему даже показалось, что он продолжает спать и видит чудесный сон. Безмерное удивление Кералиса вызвало... его собственное тело. Оно помолодело и окрепло. Мускулы на руках и ногах налились упругостью, морщины разгладились. Жрец провел рукой по волосам, и почувствовал, что на месте, где намечалась лысина, растут густые, жесткие волосы. За несколько часов старик превратился в еще достаточно крепкого мужчину.

Кералис встал на ноги и прошелся по комнате энергичной, упругой походкой.

Значит, все правда! Значит, ему доверили миссию и дали исполнить предназначенное. Теперь все зависит только от него. Теперь ошибаться нельзя. Теперь его жизнь должна быть посвящена только тому, что предначертано Высшими силами. Хвала Тому! Хвала небесам! Кералис мысленно поклялся, что приложит все усилия к тому, чтобы выполнить возложенную на него миссию.

Священнослужитель жестом пригласил Кералиса следовать за собой. Они почти полчаса путешествовали по подземным слабо освещенным

коридорам. Наконец проводник пропустил Кератиса вперед. Двери перед жрецом отворились, и он оказался в овальной комнате. Полукругом перед вошедшим восседали в двенадцати креслах жрецы в белых одеяниях. Кератис сделал несколько шагов вперед и остановился, сделав поклон в их сторону по всем правилам этикета священнослужителей.

— Приветствуем тебя, Посвященный Кератис. Прости, что мы вынуждены были подвергнуть тебя испытанию, словно неразумное дитя. Но в наше время под личиной святых прячется немало чудовищ. Ритуал испытания необходим для тех, кто должен предстать перед Советом Двенадцати. Сегодня состоится твое посвящение в миссию. Тебе известно, что в логове Тигра растут тридцать два рога. Когда трубы, сделанные из этих рогов, обретут голос, Атлантиде наступит конец. Крах Атлантиды неизбежен. В этом теперь почти не сомневается ни один из тех, кто снял со своих глаз темную повязку. Но на материке остаются кристаллы со знаниями, без которых дальнейшее развитие человечества Адонаи станет невозможным. К тому же... — Сидевший в центре жрец, который произносил эту речь, подался в кресле вперед и несколько понизил голос. — К тому же... Ты должен знать, что из Атлантиды до сих пор не

вывезен генофонд. В этом генофонде — будущие гении, ученые, мыслители, художники, великие творцы и водители людских племен. Без этого генофонда люди превратятся в стада животных. А Адоная станет планетой обезьян. Даже сами люциферы, затеявшие здесь свою игру, не представляют всех последствий. Наша планета может быть отброшена на миллионы лет назад. Поэтому... Поэтому сейчас делается все, чтобы отодвинуть на неопределенное время роковой час. Время необходимо, чтобы успеть спасти генофонд человечества и кристаллы со священными знаниями. Ты, о Кералис, должен добиться того, чтобы трубы затрубили как можно позже. Ты должен найти ту змею, которая укусит себя за хвост...

Глава 4

Непрошенные гости

Кажется, Виталию, наконец, повезло. Приятная новость окрылила его, даже несколько отодвинув на задний план воспоминания о визите к следователю. Утром следующего дня пришла телеграмма от бабушки, матери отца. Та просила его срочно приехать в связи с тяжелым состоянием здоровья. Естественно, не состояние здоровья бабули вызвало хорошее настроение Чернова

(бабушку свою он видел всего лишь раз в жизни, и поэтому она для него была практически чужим человеком). Приятное заключалось в том, что родители приняли решение ехать вместе. А это значит... это значит, что на целых три дня Виталик станет свободным человеком, не обремененным ничьим контролем. Он воцарится один в фешенебельной трехкомнатной квартире и, уж будьте уверены, найдет достойное применение временно пустующей жилплощади!

Сразу, как только вернулся из школы, Чернов набрал номер телефона Ольги. Но ее, видимо, не было дома, никто не ответил. Телефон Белозеровой молчал и через час, и через два. А потом, ближе к вечеру, Виталий отправился на вокзал провожать своих родителей. Темно-синяя «Тойота», служебная машина отца, быстро домчала пассажиров до вокзала. Виталик помог отцу донести тяжелую сумку, сопроводив родичей до вагона, и попрощался с ними, не дождавшись отправления поезда.

Водитель отцовской машины предложил его подбросить до дома, но Чернов отказался. Ему хотелось пройти по вечерним улицам города вольным человеком, с широко расправленными плечами. А, возможно, и заглянуть в какое-нибудь кафе. Нет, не в эти палатки с грязными столиками и неприятного вида посетителями, дующими без

меры бутылочное пиво. А в настоящее кафе, где приличная публика, где работает кондиционер и приятная музыка в сочетании с достойным меню превращает тебя сразу в солидного, степенного человека — в настоящего клиента, которому услуживают. А нашему герою очень нравилось, когда ему услуживают. Если бы у него были такие деньги, как у отца, он бы сразу завел себе пару-тройку слуг, и почувствовал себя маленьким шейхом в этой большой бестолковой, неустроенной стране.

А еще Виталику хотелось познакомиться с какой-нибудь очаровательной девушкой, не обремененной нравственными категориями. Разве можно такой прекрасный весенний вечер проводить одному в пустой трехкомнатной квартире? Это было бы непозволительной роскошью. Или абсолютной халатностью по отношению к себе. Ах, если бы чуть-чуть везения, если бы осуществилось вдруг приятное знакомство! Впрочем, дома у Виталика лежала записная книжка с несколькими номерами телефонов, позвонив по которым, он мог пригласить к себе знакомую девушку на вечер. Но... отсутствовала стопроцентная гарантия того, что столь желанная партнерша придет и, тем более, оправдает все надежды молодого человека, чей здоровый организм был просто взбудоражен весенними флюидами.

Неожиданно голова Виталика устремилась влево, а потом постепенно возвратилась в исходное положение, совершив плавный поворот почти на девяносто градусов. Это его глаза вместе с головой и шеей проследили за прелестным созданием, которое прошествовало грациозной походкой мимо молодого человека. Чернов даже невольно слюну сглотнул, будто готов был сию минуту скушать это создание. Виталия обогнала очень привлекательная молодая девушка, с красивой фигурой, с длинными светлыми волосами. Лицо незнакомки наш герой рассмотреть не успел, но, как говорится, и ежу ясно, что такая фигура не могла обладать некрасивым личиком. Девушка явно куда-то торопилась, однозначно не собираясь тратить время на пустые разговоры, а тем более, на знакомства с молодыми людьми. Ну, как, как остановить ее и разговорить? Применить банальную тактику: спросить время, а потом задать еще два-три дурацких вопроса? Но тогда шансов «приколоть» ее — десять на девяносто. Девяносто, естественно, не в его пользу. Ах, вот если бы помог случай! Если бы что-то остановило ее! Может быть, она спешит к автобусной остановке? Вот там и можно попытаться. Да еще если сесть вместе с ней в один автобус. Но... Как хороша! Какая фигура! А походка? Просто прелесть.

Пока Виталий, несколько прибавив хода,

следовал за красоткой и размышлял подобным образом, случай не замедлил упасть ему прямо под ноги. Полиэтиленовый пакет, который несла девушка в правой руке, порвался, и прямо на асфальт покатались кругленькие фрукты — яблоки и апельсины. Чернов просто ясным соколом, или вернее — хищным коршуном бросился собирать дары юга. Ему удалось поднять три апельсина и одно яблоко, после чего глаза нашего героя впились в лицо незнакомки, повернувшейся в его сторону. Боже ты мой! Причем тут фигура? Причем походка? Какое личико! Какие глазки! А губки! Таких он никогда не встречал! Это судьба! Это сама судьба!

Неожиданно Виталий почувствовал, что свойственная ему самоуверенность покинула его, как улетучивается упругость в корабельных парусах при полном штиле. Эй, где ты, попутный ветер многословия и остроумия? Ау? Чернов почувствовал себя первоклассником у доски. Самым главным великим немым. Инвалидом по родной речи. Едва ли не впервые в жизни ему было нечего сказать. Чувства парализовали волю. Сверхъестественное праздновало победу над естеством. Короче, у молодого человека попросту отнялся язык.

На помощь лишенному дара речи пришла сама обладательница порванного пакета.

— Я еще у продавца спросила: пакет надежный? — начала жаловаться она Виталию, будто старому знакомому. — Надежный, говорит, он до пяти килограммов выдерживает. А здесь у меня всего два килограмма. Представляете?

Чернову показалось, что в его уши льется ангельская музыка. До того приятный был у девчонки голосок. Тут бы Виталику и ответить что-либо, пошутить: конечно, мол, в таких пакетах только воздух носить или вакуум хранить. Да мало ли как можно было сострить! Но вирус бессловесности по-прежнему хозяйничал в речевом аппарате нашего героя. Юноша молчал как рыба, завяленная в прошлом месяце.

Незнакомка, между тем, не торопилась забирать фрукты из рук Виталия.

— Ума не приложу, как теперь пакет до дома донесу, — продолжала она демонстрировать свой нежный голосок. — Может быть, вы поможете мне? Не проводите вон до того киоска? Там, я думаю, можно новый пакет купить.

Вопрос был поставлен так, что даже немой должен быть ответить на него. И, конечно же, только безусловным согласием.

— Ну, конечно. Я помогу вам... Дайте мне ваш пакет. — Инвалид по родной речи начал медленно выздоравливать. — А у вас... веревочка есть?

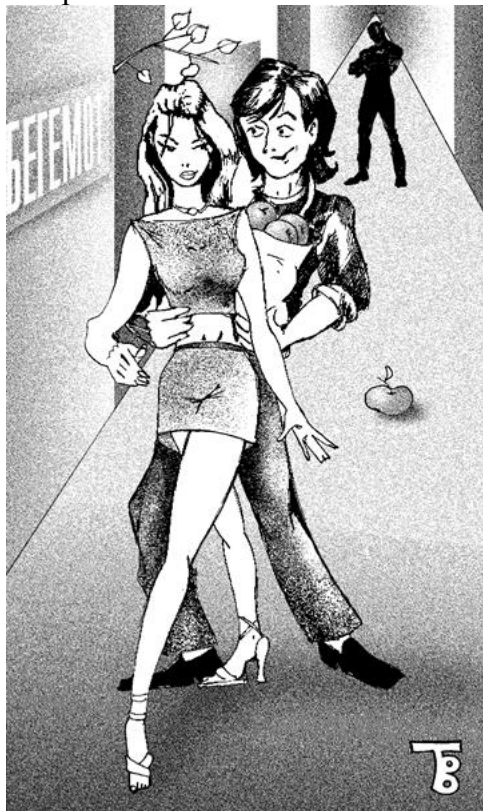
— Зачем? Пакет перевязать?

— Нет, знакомство завязать! — Чернов начал запускать в оборот дежурные шуточки.

Девушка улыбнулась.

— Познакомимся, когда новый пакет купим.

— Договорились.

Виталик принял пакет из рук пострадавшей и, зажав дырку рукой, положил в него поднятые с асфальта апельсины и яблоки. Вскоре молодой человек и девушка зашагали рядом, плечом к плечу, по направлению к ближайшему киоску. Едва они подошли к торговой точке, Чернов поспешил опередить свою спутницу и купил самый дорогой и прочный пакет.

— Разрешите представиться, — важно произнес он, протягивая попку девушке. — Виталий, агент по специальным поручениям. Собираю с земли фрукты, покупаю пакеты. Но способен на большее. Какие будут поручения?

— Анжелика, — представилась в ответ красотка, ловко переместив фрукты из одного пакета в другой. — Можно просто Лика. А поручения... Да какие могут быть поручения в такой вечер? Разве только...

— О-о-о! — артистично закатил глаза Виталий. — У дамы есть тайные желания! Говорите скорей! Я готов на все!

— Чего-нибудь прохладительного хочется.

— Мороженое? Пепси? Спрайт?

— Не люблю сладкого. Уж лучше чего-нибудь такого...

— А... понимаю. Чего-нибудь правильного? Так?

— Так-так, вы очень догадливы, Виталий.

— Так в чем же дело? Сейчас мы это устроим. Только... только придется пару остановок проехать. Или пешком дойдем?

— А чего так далеко? Правильное — вот оно, кругом. Вон палатка, вон столики стоят.

— Но нет, вы уж меня извините. С такой дамой как вы, и в палатку? Нет-нет. Вы достойны самого лучшего. Там, через пару остановок, есть такое очаровательное кафе — «Кот Бегемот». Там классное свежее пиво. А это бутылочное в палатках... оно... Ну вы меня поняли?

— «Кот Бегемот»? Да, я видела вывеску. Но никогда там не была.

— Вот и побываете. Пойдемте. И вот что — дайте мне ваш пакет. Где гарантия, что он у вас опять не порвется? Придется мне тогда снова по земле ползать.

Через пятнадцать минут Виталий и Анжелика уже сидели за столиком в кафе. Чернов заказал пива, легкую закуску, дорогие сигареты.

— Вы курите? — спросил он свою спутницу.

— От хороших сигарет не откажусь. И вот что, Виталик, давай перейдем на «ты».

Чернов угостил даму сигаретой, дал ей прикурить. Анжелика закурила и откинулась на спинку стула.

— А здесь очень уютно, — сказала она. —